

В.В. Шишкин

**ГРУСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГ
ВАСИЛИЯ БАЛАКИНА «ГЕНРИХ IV»
И «ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ»**

Автор предлагает вниманию читателей резко критические рецензии новейших работ российского историка В.Д. Балакина «Генрих IV» и «Екатерина Медичи», вышедших в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

Ключевые слова: история раннего Нового времени, историография, Франция, Генрих IV, Екатерина Медичи

«История – наука точная».

Ю.П. Калинин

В серии «Жизнь замечательных людей» издательство «Молодая гвардия» выпустило (в 2011 и 2012 гг. соответственно) эти две книги автора В.Д. Балакина, растиражированные в довольно большом по нынешним временам объеме – по 5 тыс. экземпляров каждая. Отечественный читатель обрел очередные версии популярных биографий известных французских монархов и получил представление об истории Франции эпохи Ренессанса и затяжных Гражданских войн второй половины XVI в., равно как и о главных персонажах, творивших историю того времени.

Книги, изданные в авторитетном издательстве, всегда пользуются особым доверием: именно их интеллектуальная публика ценит, читает, цитирует, обсуждает на интернет-форумах, а мнение авторов в значительной степени влияет на формирование общественного мнения по разным вопросам. Тем сложнее приходится профессиональным историкам, которые не так часто обращаются к биографическому жанру в популярной манере, развенчивать откровенную историческую фальшь, сознательное искажение фактов в угоду общей тональности повествования. Так, благодаря произведениям В.Д. Балакина российский читатель введен в изрядное заблуждение: ему, читателю, представили мифологический облик известных исторических личностей и рассказали историю, которой в действительности не было.

Зачем? Вопрос в пустоту. Вряд ли В.Д. Балакин, представивший свои биографические компиляции на суд отечественной публики, сможет на

него ответить, признавшись в некомпетентности и незнании истории Франции. Кажется, его самого это мало интересует. В своем выступлении на радио «Эхо Москвы» 22 мая 2011 г.¹ он откровенно признал, что не любит Генриха IV, не симпатизирует персонажу, которому посвятил книгу! Это что-то новое в исторической беллетристике. Я не в силах пересказывать или комментировать тот откровенный словесный мусор, который он пролил на радиослушателей (чего только стоят фразы: «Генрих IV – самозванец»; «Документов о нем мало [!]², но в 10 раз больше всевозможных легенд, анекдотов, слухов, которые гораздо приятнее широкой публике»; «Он абсолютно без интеллекта человек, абсолютно без интеллекта»; «Принципов никаких абсолютно – ни религиозных, ни моральных, ни политических»; «Женщин любил. А вот если бы он эту войну начал, то он бы стал тем же, кем в Германии Гитлер [!]»), однако радиопередача рано или поздно забывается, а вот книга – нет. Печатное слово, не мной сказано, обладает силой, способной созидать и разрушать, в нашем же случае – фальсифицировать историю.

Может, мы сгущаем краски? И публике сегодняшнего дня, жаждущей мифов и легенд (или живущей мифами и легендами?), не нужна историческая правда вообще? Этот вопрос нам невольно пришлось задать себе во время презентации русского перевода книги Элиан Вьенно «Маргарита де Валуа» в июне 2012 г. в одном из петербургских вузов. Одна из молодых преподавателей неожиданно спросила автора: «А может, и не стоит развешивать устоявшиеся мифы вокруг Маргариты де Валуа, иначе из нашего сознания исчезнет привлекательный образ любвеобильной королевы Марго?» Мадам Вьенно, профессор университета, воспитанная во французской академической традиции, где поиск исторической правды – основополагающая цель любого исследования, от удивления не нашлась что ответить...

Да нет же, нужна правда! В этом – наша принципиальная позиция, позиция историка, за которым стоят поколения его духовных учителей – франковедов и палеографов. Стремление к истине – характерная черта не только настоящих историков, обязанных уметь *отделять зерна от плевел*, передающих весь объем исторических знаний следующим поколениям, но также – черта здорового общества, которое в состоянии адекватно воспринимать и критиковать произведения, искажающие прошлое, а значит, деформирующие историческую память. Поэтому настоящие «размышления», пусть и грустные, – моя обязанность.

¹ <http://echo.msk.ru/programs/kazino/776203-echo/#element-text>

² Только на сегодняшний день опубликовано более 6 тыс. его писем из 8 тыс. до нас дошедших и известных квалифицированным историкам.

«Жизнь замечательных людей» – название серии, в которой были опубликованы книги В.Д.Балакина, и, конечно, король Генрих IV, да и Екатерина Медичи вполне заслуживают эпитета «замечательный». Речь же пойдет о тексте этих книг, который от замечательного весьма далек.

О самом *Генрихе IV*. Оказывается, внешне он напоминал «мелкого дворянчика из Гаскони» (с. 316), от него пахло чесноком и конюшней (с. 208) (читаем А. Дюма). Легенда же о великом короле возникла только в период Реставрации в XIX веке... Интересно, а как же быть с Вольтером и его «Генриадой» (1723) (*La Ligue ou Henry le Grand, poème épique*), где король уже назван великим, следуя исторической традиции, заложенной известными произведениями Ардуэна де Перефикса («История короля Генриха Великого», 1651), а также историками и литераторами XVII в. Мезере и др.? И, наконец, по версии автора, репутация великого короля была обусловлена «ничтожностью его преемников» (с. 311). То есть и Людовик XIII Справедливый, его сын, и Людовик XIV, его внук, «король-солнце», сумевшие превратить Францию в мирового лидера, поблекли на фоне своего выдающегося предка.

В начале книги автор задается вопросом: а надо ли было королю Наваррскому вообще ввязываться в борьбу за корону Франции, когда возник династический кризис? (с. 7). Вопрос некорректен даже в самой постановке, поскольку Генрих Наваррский – первый принц крови из рода Бурбонов и единственный легитимный наследник трона с 1584 г., ближайший родственник дома Валуа. Он был бы провозглашен королем даже без своего желания, согласно Салическому закону, закрепляющему наследование короны только по мужской линии. Учитывая, что Бурбоны повели вооруженную борьбу за французский трон уже с конца 1550-х гг., трудно было бы представить, чтобы такой честолюбивый, хитрый и амбициозный монарх упустил бы свое законное право сесть на трон любым путем.

На с. 190 В.Д. Балакин пишет, что к моменту начала борьбы за корону после смерти Генриха III «все королевство Генриха IV умещалось на территории г. Дьеппа», что, конечно же, неправда. Бурбоны – одна из самых богатых семей Франции, обладавшая огромными земельными массивами в разных частях страны, особенно на юго-западе (Беарн, Альбре-Фуа, и др.), гугенотское (да и католическое) население которых в основном и поддержало нового короля.

Утвердившийся в Париже, Генрих IV, оказывается, по мнению автора, не был сторонником привлечения дворян ко двору (с. 265). В действительности все было с точностью наоборот. Первый король из рода Бурбонов отчаянно нуждался в поддержке господствующего класса, и двор был главным средством управления дворянством. Двор Генриха IV численно

был гораздо больше двора своего предшественника: во-первых, слились французский и наваррский дворы, во-вторых, королевская семья в одночасье стала огромной, поскольку фамилия Бурбонов изначально была многочисленной. Другое дело, что Генрих IV, ввиду наплыва дворянства ко двору, который для многих был единственным средством к существованию после Гражданских войн, был вынужден ограничивать их пребывание в королевской резиденции, поскольку постоянно возникали проблемы с размещением и столованием, равно как с выплатой жалования¹.

Женщины в жизни короля. Конечно, их было много, Генрих слыл влюбчивым мужчиной и ко многим дамам был искренне привязан, не исключая своих жен. Но все же писать, что у него было «половое бешенство» (с. 282), или же пересказывать, вслед за Ги Бретоном, мифическую историю о его детской влюбленности в принцессу де Конде (Шарлотту де Тремуй) с намеком, что ее сын рожден от него и что ради короля она отравила своего мужа – принца королевской крови, – это означает откровенно передергивать факты. У Генриха не могло быть детской влюбленности в принцессу, которая родилась в 1568 г., когда ему самому было уже 15 лет. В момент, когда Шарлотта выходила замуж за его кузена принца де Конде (1586), у короля в разгаре был роман с прекрасной Коризандой, графиней де Гиш.

На с. 281 автор перепутал имена королевских любовниц, из имен четырех разных женщин сделав два: так, м-ль де Келен, оказалась одновременно герцогиней де Монпансье...

В пылу воображения, рассказывая о беременности очередной пассии короля, м-ль де Фоссез, В.Д. Балакин, изобрел даже новый титул – «дофин Наваррский» (с. 132), видимо, по образцу дофина французского, полагая, что наследники трона в Наварре назывались точно так же. Увы, всем профессиональным историкам известно правильное употребление слова «дофин», равно как откуда взялся этот титул у преемника французского престола; наваррские же наследники титуловались принцами или, на испанский манер, инфантами.

Кстати, под парадным портретом короля, приведенном во вкладыше после с. 128, стоит автограф из двух латинских букв H и R (Henricus Rex), которые к герою (антигерою?) книги не имеют отношения: речь идет об автографе его деда, короля Наваррского Генриха II д'Альбре.

Маргарита де Валуа, первая супруга Генриха. Вот уже кому действительно досталось от г-на Балакина, так это ей. Какими только эпитетами он не обозвал одну из самых изысканных и известных королево

¹ Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII вв. СПб., 2004. С. 92-104.

французской истории: «своевольная и неверная» (с. 24), уже в 11 лет обладавшая «вольными манерами и кокетством» (с. 44) и вступившая в греховную связь с герцогом де Гизом примерно в этом же возрасте (!) (с. 69), склонная к лесбиянству (с. 109), а в старости ставшая «толстой и безобразной» (с. 290) (интересно, где об этом написано?). Можно было бы, конечно, посоветовать автору читать побольше научной литературы и критических биографий персонажей, о которых он берется писать (я уже не говорю про источники, хотя зачем они беллетристу?), но, наверное, не буду. Ну какой историк, знающий эпоху, сможет, например, всерьез говорить о сексуальных отношениях 11-летней девочки, растущей в загородных резиденциях под неусыпным вниманием кормилиц, гувернанток, камеристок и придворных дам ее штата, когда расписана каждая минута ее жизни согласно строгим придворным регламентам?

В.Д. Балакин явно не знакомился с мемуарами самой Маргариты, хотя и ссылается на них, иначе бы не сочинял, что королева «разрыдалась» у гроба своей свекрови (с. 79), что на бракосочетании она была одета в «золотое платье» (с. 82), а во время Варфоломеевской ночи в Лувре спасенный Маргаритой барон де Леран «галантно проводил свою спасительницу к ее сестре» (с. 92). Последнее утверждение особенно смехотворно, поскольку в действительности, со слов королевы Наваррской, «раненый ударом шпаги в локоть и алебардой в плечо» юный дворянин просто не мог стоять на ногах: «Я велела его уложить в своем кабинете и оказывать помощь до тех пор, пока он полностью не поправится». Провожал же Маргариту на деле капитан королевских гвардейцев Нансей. Сюжет со спасением Лерана перекочевал практически без купюр также и в «Екатерину Медичи» В.Д. Балакина (с.189), впрочем, не только он один. Например, в обеих книгах автор одними и теми же словами убеждает нас, что «по свидетельству Брантома, [король Карл IX] из окна своей комнаты палил» по гугенотам (с. 92 и 189 соответственно), чего не было и не могло быть в действительности и что было уже доказано историками XIX в. Да и Брантом никогда не писал ничего подобного: ход этой легенде дал гугенот Т.-А. д'Обинье.

Вернемся к Маргарите. Подобно мужу, согласно нашему автору, всю свою жизнь, где бы она ни была, она флиртвала со всеми, с кем могла (с. 225), что однажды даже вызвало неодобрение со стороны кавалеров Ордена Святого Духа (с. 122). При чем здесь Орден Святого Духа, к блюстителям нравов не имеющий никакого отношения, учрежденный в политических целях в конце 1578 г., когда королева Наваррская постоянно жила в Нераке, во владениях своего супруга, и вела совершенно безгрешный образ жизни, непонятно. Не обходит вниманием В.Д.Балакин и рождение незаконного

сына Маргариты (с. 135), которого никогда не было, и мифическую сцену ее присутствия на казни ее любовника д'Обиака во дворе замка Юссона (с. 146), которого повесили совершенно в ином месте (в крепости Эгперс), и совращение ею коменданта Юссона маркиза де Канийака, который был призван ее охранять в заключении, но якобы поддался ее чарам и освободил ее. На деле же маркиз поддался чарам денег герцога де Гиза: последний по сути выкупил пленницу и сделал ее хозяйкой замка.

То есть Василий Балакин по сути повторил в деталях известный фарс о Маргарите де Валуа французского автора Андре Кастело (русский перевод дважды выходил в той же серии «ЖЗЛ» в 1999 и 2009 гг.), о котором французские историки могут говорить только с раздражением и неприязнью. Так, профессора-историки из университета Париж-IV Сорбонна в беседе с автором этих строк были очень удивлены, что одна из самых худших и неправдоподобных биографий королевы Маргариты была переведена на русский язык.

Вообще, складывается впечатление, что в изображении автора королева Маргарита и Генрих IV терпеть не могли друг друга и отчасти поэтому позволяли себе вести фривольный образ жизни. В действительности, за исключением событий 1585-1589 гг., они всегда были политическими союзниками, старались поддерживать друг друга и в итоге сохранили дружеские отношения и обоюдную привязанность до конца жизни, несмотря на то, что оба прославились своими любовными приключениями, которые, в свою очередь, вполне вписываются в неоплатонические представления о любви и отношениях мужчины и женщины эпохи позднего Ренессанса.

Генрих III, брат Карла IX и Маргариты де Валуа. По версии автора – законченный извращенец, женоподобный бисексуал, «негодный правитель» («Екатерина Медичи», с. 256), который даже специально «принял титул Величества, по-французски имеющий женский род», то есть чтобы придворные могли к нему обращаться как к женщине (с. 107). По правде, окончательное утверждение Генрихом III обращение к королевской персоне «Ваше Величество» в 1570-х гг. на деле не было никаким нововведением: так, на испанский манер, стали титуловать еще отца этого короля – Генриха II, подчеркивая недостижимость и божественное начало королевской власти. В условиях гражданских войн XVI века Генрих III пытался тем самым хоть как-то компенсировать падение королевского авторитета. Слово «Величество» действительно женского рода на французском языке, и, видимо, не сразу прижилось при дворе, хотя уже в правление Генриха IV насмешек не вызывало. Обвинения в адрес Генриха III, связанные с его сексуальной природой, большинством се-

рзанных историков (П. Шевалье, Н. Ле Ру) отвергаются безоговорочно. Этот король вошел в историю скорее как трагический политик, а также как законодатель и миротворец.

Может, сейчас мы занимаемся мелочеведением, дотошно выискивая ошибки и говоря о ненужных и ничего не стоящих подробностях жизни давно ушедших людей? Совершенно наоборот. История во всех своих проявлениях – наука точная, как повторял мой учитель, и она – не анекдот, придуманный для потехи публики.

Что еще можно сказать о книге «Генрих IV»? Огромное, непомерное количество исторических неточностей, ошибок, вперемешку с мифами и неправдой. Наверное, не имеет смысла постранично их перечислять, иначе придется писать еще одну книгу, и все же о некоторых важно сказать, так как речь идет о принципиальных вещах. Самое поразительное, что В.Д. Балакин в начале своего повествования ругает перевод и заодно другого автора биографии Генриха IV, известного и ныне здравствующего историка и архивиста Жана-Пьера Бабелона, причем этот пассаж нужно привести полностью: «...помимо того, что [русский] ... перевод дает весьма приблизительное (если не сказать превратное) представление об оригинале, он из-за обилия фактических неточностей [так!], опечаток и прочих издательских огрехов еще более затуманивает и без того таинственный образ Генриха IV» (с. 7). То есть наш автор берется все это исправить своей книгой: переписать Ж.-П. Бабелона (чья биография короля, изданная в парижском издательстве Файар в 1982 г. и переизданная несколько раз, на сегодняшний день признана лучшей), представить нам выверенные факты и вывести из тени загадочную историческую фигуру французского короля. Конечно, русский сокращенный перевод книги Ж.-П. Бабелона (которого издатели представили как Баблон, что несколько неприлично звучит для современного читателя), изданный в региональном издательстве в Ростове-на-Дону в 1999 г., далек от совершенства, но все же сравнивать даже такую версию с произведением В.Д. Балакина я бы постеснялся. Основанная на колоссальном количестве источников и неизвестном архивном материале, эта книга на сегодняшний день многими историками рассматривается как незаменимый учебник по французской истории этого периода времени и активно цитируется. Чего не скажешь о книгах В.Д. Балакина.

Несуразности и курьезы («Генрих IV»). Карл IX скончался от осложненной формы туберкулеза, а не от «таинственной болезни» (с. 105), как пишет В.Д. Балакин; сеньоры де Торе и Мерю – не племянники герцога де Монморанси, а его младшие братья (с. 102); императором в рассматриваемое время

был Максимилиан II, а не Максимилиан I, его дед (с. 106); Елизавета де Валуа была третьей, а не второй женой Филиппа II Испанского (с. 209), и у них была не одна дочь, а две, вполне успешно дожившие до замужества и имевшие детей; капитана 45 гасконцев Генриха III звали не Ланьяк, а Луаньяк (с. 171 и «Екатерина Медичи», с. 277); Кончино Кончини никогда не был кузеном королевы Марии Медичи, и Паоло Орсини (!) – не его второе имя (с. 261). Говоря о событиях подготовки войны за Юлих-Клевское наследство, наш автор перепутал два персонажа – отца и сына, предположив, что в 1609 г. умер герцог Вильгельм, неудавшийся муж Жанны д'Альбре, на деле же его сын – Иоганн-Вильгельм (с. 291)... И т.д., и т.п.

О книге «Екатерина Медичи». Вообще, к этому персонажу автор более снисходителен и уверяет нас, что попытался дать объективную картину жизни «черной королевы», которая смотрится в более выгодном свете по причине «дефицита политических талантов» у своих сыновей (так!) (с. 145). Не станем оценивать всю книгу, хотя при ее чтении быстро угадываются компилятивные элементы и на ее страницах появляются перлы, типа «возвращались времена начального феодализма» (с. 153), на которые трудно реагировать адекватно, приведем только несколько примеров, характеризующих ее содержание. Мы уже отмечали, что многие пассажи перешли из одной книги в другую.

Оценки исторических деятелей, правда, несколько претерпели изменения. Кроважидный в «Генрихе IV», Карл IX оказывается на поверку «простоватым юношей» (с. 147), которым адмирал Колиньи и гугеноты руководили по своему усмотрению. Генрих III, правда, как и в «Генрихе IV» – «бесталаный король» (с. 268), а ветреная Маргарита де Валуа становится шпионкой матери (с. 204), которая постоянно продает своего мужа и любовников (попутно автор путает персонажей: о готовящемся побеге 1573 г. «проболтался» не Генрих Наваррский, а барон де Миоссанс), затем раскаивается и хоронит отсеченную голову своего возлюбленного Ла Моля, казненного по ее вине. Учитывая, что связь Маргариты и Ла Моля вообще ставится под сомнение, и Элиан Вьенно в своей вышеназванной книге доказала, что у них просто не было возможности для связи при дворе в 1573-1574 гг.¹, то В.Д. Балакин опять пересказывает анекдоты, при этом претендуя на объективность и точность.

Что касается последней. Фраза Екатерины, обращенная к дочери Елизавете, королеве Испании, во время Байоннского свидания в 1565 г., в версии автора звучит так: «До чего же ты стала испанкой, моя девочка!» (с. 141), вместо подлинной: «Какой же испанкой Вы стали, дочь моя!»

¹ Вьенно Э. Маргарита де Валуа. История женщины. История мифа. СПб., 2012. С. 69-72.

Королева Франции не могла обращаться к своим детям, тем более королевского ранга, на «ты». Простонародное «ты» никогда не употреблялось ни при дворе, ни в дворянской среде.

Несуразности и курьезы. На с. 220 перепутаны сюжеты: мебель и слуг отослали герцогу Алансонскому, а не королю Наваррскому, после бегства первого из Лувра в 1575 г.; «Генрих Гиз, родившийся в один день с Карлом IX» (с. 243): любая энциклопедия подскажет, что первый появился на свет 31 декабря 1550 г., а Карл IX – 27 июня того же года; любимую внучку Екатерины, дочь Карла III Лотарингского и Клод де Валуа, звали не Екатерина, а Кристина (с. 243); герцог Алансонский «видел себя королем Нидерландов» (с. 227): в действительности же – герцогом Брабантским, поскольку королевство Нидерландское – явление XIX в.; «мятеж возглавил мэр Парижа Бриссак» (с. 262): граф де Бриссак, сторонник герцога де Гиза и известный капитан, никогда не был и не мог быть в силу статуса мэром Парижа – в 1588 году он лишь помог сформировать городское ополчение против Генриха III, а позже стал губернатором Парижа от имени Лиги. И т.д., и т.п.

Что в итоге? Эти книги нельзя было выпускать, и фильтром могли бы послужить рецензенты, которые просто не рекомендовали бы их к печати. Особенно когда они увидели бы библиографические списки в конце этих книг, где автор продемонстрировал незнание русских переводов важнейших источников и литературы (Т.-А. д'Обинье, Таллемана де Рео, Маргариты де Валуа, Брантома и др.). Если бы обе рассматриваемые книги были названы иначе («Анекдоты из жизни» такого-то персонажа), наверное, это было бы более честно и правильно.

Мы уверены, вместе с тем, что российская историческая школа рано или поздно представит новые научные или популярные биографические портреты и Генриха IV, и Екатерины Медичи, равно как других интересных и замечательных личностей, и эти книги станут новым вкладом в историческое знание, будут востребованы обществом и вызовут суждения и дискуссии совсем иного рода.

Список литературы

Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII вв. СПб., 2004. [*Shishkin V.V.* Korolevskij dvor i politicheskaja bor'ba vo Francii v XVI-XVII vv. SPb., 2004].

Вьенно Э. Маргарита де Валуа. История женщины. История мифа. СПб., 2012. [*V'anno Je.* Margarita de Valua. Istorija zhenshhiny. Istorija mifa. SPb., 2012].